

УДК 323.1

## 100 ЛЕТ ОКТЯБРЯ: ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ И ПРИЧИНЫ ЕЕ НЕУДАЧ

В. В. ШИМОВ<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются исторические предпосылки возникновения и развития коммунистических идей как закономерного результата социальной эволюции человечества. Анализируются предпосылки неудач и провала коммунистического эксперимента в СССР. Делается вывод о том, что, несмотря на провал реального социализма, идеи и смыслы, актуализированные революцией, сохраняют значение для современного мира.

**Ключевые слова:** коммунизм; революция; капитализм; СССР.

## 100 YEARS OF OCTOBER REVOLUTION: HISTORICAL PRECONDITIONS AND CAUSES OF FAILURE

V. V. SHIMOV<sup>a</sup>

<sup>a</sup>Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

In the article historical preconditions of communist ideas as a result of social evolution are considered. Preconditions of Soviet experiment failure are analyzed. It is concluded that, despite the failure of real socialism, the ideas and meanings actualized by the revolution remain important for the modern world.

**Key words:** communism; revolution; capitalism; USSR.

### Коммунизм как порождение логики всемирно-исторического развития

На тему юбилея Октябрьской революции уже сказано и еще будет сказано много. Однако главным недостатком практически всех этих высказываний и мнений является их национальная узость. В революции сегодня видят преимущественно местное, региональное явление, касающееся России и стран постсоветского пространства. Была революция благом или злом для России? Являлся ли большевизм продолжением особой русской цивилизационной традиции или радикальным разрывом с ней? Аналогичным образом в Беларуси обсуждение Октября сводится в основном к перипетиям образования белорусской государственности и последствиям

советской национальной политики. О глобальных устремлениях революции обычно не вспоминают, а если и вспоминают, то нехотя и, как правило, в негативном ключе («большевики положили Россию на заклание ради химеры мировой революции» или что-то в таком роде).

Между тем Октябрь был знаковым событием глобальной, общечеловеческой истории – именно в таком контексте он должен рассматриваться и оцениваться. Октябрьская революция явилась порождением одной из базовых и долговременных тенденций в развитии человечества – тенденции к глобализации и универсализации, преодолению

---

#### Образец цитирования:

Шимов В. В. 100 лет Октября: предпосылки революции и причины ее неудач // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 106–111.

#### For citation:

Shimov V. V. 100 years of October revolution: historical preconditions and causes of failure. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 4. P. 106–111 (in Russ.).

---

#### Автор:

**Всеволод Владимирович Шимов** – кандидат политических наук, доцент; доцент кафедры политологии юридического факультета.

#### Author:

**Vsevolod V. Shimov**, PhD (political science), docent; associate professor at the department of political science, faculty of law.  
shimoff@rambler.ru

социальной раздробленности и порождаемых ею классовой дифференциации и культурно-коммуникативных барьеров.

Человеческая социальность была унаследована в формах, которые достались людям от обезьяньих предков, живших рассеянными малыми группами, конкурировавшими в борьбе за территорию и ресурсы. Ксенофобия и неприятие чужого, «вшитые» в сознание подобного общества малых групп, обращивались тем, что принципы социальной солидарности и альтруизма распространялись только на членов этих групп и не распространялись на чужаков. Описанная когда-то Т. Гоббсом война всех против всех в силу этого носила не межличностный, а межгрупповой характер. К тому же развитие культуры как особого атрибута человеческой социальности по мере распространения групп людей по поверхности планеты вело к накоплению культурных отличий, формированию культурно-языковых барьеров, которые, в свою очередь, превращались в важные маркеры отличия своих от чужих.

Вместе с тем эта социокультурная раздробленность всегда входила в противоречие с объективным развитием цивилизации. Усложнение технологий и увеличение масштабов хозяйствования вовлекали в совместную деятельность все большее количество людей, что превращало культурные барьеры и связанные с ними межгрупповые фобии и конфликты в серьезное препятствие. Поэтому изживание культурной и социальной раздробленности издавна было одной из основных тем социально-политической мысли человечества. В данном контексте можно вспомнить миф о вавилонском столпотворении, в котором языковая раздробленность представлена как небесная кара, или космополитические идеи Античности, или, наконец, универсализм мировых монотеистических религий, для которых перед Богом нет «ни Эллина, ни Иудея».

В практической плоскости это выражалось в формировании больших универсальных культур, игравших роль «плавильных котлов», которые разрушали межкультурные барьеры и формировали общее коммуникативное пространство на большой территориальной протяженности. В качестве примера можно назвать «античную глобализацию» эпохи эллинизма, латинизацию ойкумены при Римской империи, иероглифическую китайскую культуру, объединившую разрозненные ханьские племена, исламизацию/арабизацию Ближнего Востока и т. п.

Однако говорить о преодолении глубинных архетипов межгрупповой вражды не приходилось вплоть до настоящего времени. Универсальные культуры, стирая межгрупповые различия и барьеры, просто переносили их на другой, более высокий, уровень: «цивилизованные» эллины и римляне противопоставляли себя «варварским» народам,

последователи монотеистических культов – иноверцам и еретикам. С развитием производящей экономики межкультурные барьеры стали дополняться классовыми. Появление материальных и ресурсных излишков повлекло за собой их неравномерное распределение между разными социальными группами даже в рамках одного культурного пространства. Это неравенство со временем закрепилось в правовых нормах и традициях, формирующиеся классы обрастали собственной мифологией и культурными отличиями-маркерами (вплоть до разных языков), переходы из одного класса в другой оказывались либо затрудненными (сословная модель), либо невозможными (касты).

В немалой степени консервации социальной раздробленности способствовал низкий уровень технологий, которые вплоть до промышленной революции базировались на ручном труде, а также неразвитость транспортных сообщений, что в совокупности способствовало воспроизводству культурной замкнутости и порождаемых ею коммуникационных барьеров и фобий.

Таким образом, в период от аграрной до промышленной революции процесс складывания больших универсальных культур оставался ограниченным уровнем технологического развития. Как следствие, сами эти универсальные культуры были территориально ограниченными (так называемые локальные цивилизации, ни одна из которых не достигала по-настоящему глобального уровня), а внутри них сохранялись глубокие региональные отличия, усугубленные классовыми барьерами (в форме сословий или каст).

Капитализм и промышленная революция стали новым шагом в глобализации человечества. Становление капитализма означало ломку устоявшейся сословной структуры, когда буржуазия, вырвавшаяся из средневекового торгово-ремесленного сословия европейских городов, сокрушила многовековое господство земельной аристократии, а разорившееся крестьянство стало пополнять ряды городского пролетариата. Промышленная революция создала невиданные предпосылки для хозяйственной интеграции в мировых масштабах. Вместе с экономической глобализацией пришла и культурная глобализация, сделавшая Запад по-настоящему мировой цивилизацией, задающей культурные нормы и ценности в планетарном масштабе.

Тем не менее капитализм остается глубоко противоречивым обществом социальных барьеров и неравенства. Оформление конкурирующих центров накопления капитала в национальные государства способствовало воспроизводству на новом этапе культурно-языковой раздробленности.

Именно из этих противоречий рождались идеи, приведшие впоследствии к Октябрьской революции. Коммунистическое общество было призвано

исправить дисбалансы капитализма, связанные с социальным неравенством и эксплуатацией человека человеком. Кроме того, коммунизм мыслился как глобальная перспектива для всего человечества, которое в будущем должно преобразиться в единый мир «без России, без Латвии». Этот глобалистский аспект коммунизма всегда предполагался как стратегическая цель, хотя и остался наименее разработанным, поскольку коммунизм, вдохновленный идеями К. Маркса и его последователей, концентрировался в первую очередь на проблематике классовой борьбы. Впоследствии классовая односторонность сыграет не последнюю роль в крахе советского коммунизма. Тем не менее долгое время попутчиком революционного коммунизма было движение эсперантистов – сторонников всемирного наднационального языка (который, по мнению

многих энтузиастов, мог в будущем заменить национальные языки в качестве основного средства общения), а также связанный с эсперантизмом безнационализм, выступавший за полное стирание национальных, культурных и языковых барьеров между людьми.

Зародившись в недрах капиталистического общества как его бескомпромиссная критика, коммунизм унаследовал от капитализма веру в техническое могущество и прогрессивное развитие человечества. Коммунистический глобализм и универсализм также опирались на тенденции, в значительной мере реализованные капитализмом. К началу XX в. капитализм уже был «беременным» коммунизмом, окончательному «рождению» которого поспособствовала катастрофа Первой мировой войны.

### Советский коммунизм: почему не получилось

Возникает закономерный вопрос: если коммунизм был закономерным результатом едва не всего человеческого развития, почему же советский эксперимент так быстро и в общем-то бесславно закончился? Взгляд на советский коммунизм как на тупиковый путь, к тому же стоивший огромного числа человеческих жизней, сегодня весьма распространен. Столь же распространено убеждение в том, что опыт СССР доказал невозможность и утопичность коммунизма, его фундаментальное противоречие самой человеческой природе, в которую заложены собственные инстинкты и склонность к конкуренции.

Все эти антисоветские в своей основе утверждения на самом деле базируются на логике советской же пропаганды, утверждавшей, что в близкой исторической перспективе достигим «настоящий» коммунизм и что именно СССР открыл прямой и самый короткий путь к нему. Можно сказать, что большевиков подвело пресловутое сталинское «головокружение от успехов», хотя иллюзорность быстрого перехода к капитализму (в том числе и для многих западных наблюдателей) стала очевидной уже на излете советской эры.

Хорошо известно, что ни один глобальный фазовый переход в истории человечества не совершался быстро и безболезненно. Напротив, подобные переходы всегда носили растянутый во времени и нелинейный характер, с множеством откатов и «тупиков». Чего далеко ходить, достаточно вспомнить историю становления того же капитализма, которому понадобилось не одно столетие, чтобы преодолеть сопротивление и сокрушить устои старого феодального общества.

Очевидно, было бы верхом исторической самонадеянности полагать, что коммунизму удастся сломить такого «монстра», как глобальный капитализм, за считанные десятилетия. Конечно, исто-

рия – штука вариативная, и после Октября были точки бифуркации, в которых ударная волна революции могла распространиться гораздо дальше, чем это произошло на самом деле. В конце концов мировая революция долгое время не казалась чем-то невероятным даже многим ее закоренелым противникам. Впрочем, даже если бы коммунистическому интернационалу удалось бы каким-то образом установить свою власть в мировом масштабе, еще неизвестно, какие «термидоры» и «реставрации» ждали бы и при таком сценарии.

Если же говорить о реальном развитии событий, то советский проект изначально имел существенные изъяны, которые и привели его к краху. Опять же, само по себе наличие этих изъянов не означало фатальную предопределенность, однако задавало существенные предпосылки для негативного сценария.

По большому счету, все эти изъяны стали очевидны уже в первые полтора десятилетия существования советской власти и были блестяще обобщены в известной работе Л. Д. Троцкого [1]. Читая книгу, поражаешься, насколько актуально до сих пор звучит его критика сталинского СССР и насколько точны оказались прогнозы относительно его возможной дальнейшей судьбы.

Первым таким «недостатком», определившим многое, стала сама Россия как страна, превратившаяся в базу мировой революции. Теоретическая схема марксистов была построена на убеждении, что первоначально мировая революция восторжествует в развитых странах капиталистического центра, откуда и будет распространяться на мировую периферию, частью которой в начале XX в. была, безусловно, и Россия. Сами большевики первоначально рассматривали победу революции в России как историческую случайность и были ориентированы на ее экспансию в страны Запада. Когда же этого

не произошло, возник первый мировоззренческий кризис советского коммунизма, обернувшийся расколом между идеалистами (троцкистами), настаивавшими на продолжении курса на мировую революцию, и реалистами (сталинистами), избравшими стратегию построения социализма в отдельно взятой стране и отложившими мировую революцию в неопределенное будущее.

Сегодня сложно сказать, чем могла обернуться троцкистская альтернатива, однако критика победившего сталинизма, данная Л. Д. Троцким, оказалась пророчески точна.

Отсталость страны победившей революции стала долговременным фактором, ограничивавшим ее возможности и обусловившим фатальное для советского коммунизма перерождение системы. Отсталость страны – и это верно подметил Л. Д. Троцкий – превращала «запертую» в ней революцию не столько в стратегию построения нового общества, сколько в инструмент догоняющего развития. Действительно, «погоня» за развитыми странами Запада при одновременном отрицании основ их строя довела над советской системой весь период ее существования, и эта мировоззренческая «шизофреничность» сыграла не последнюю роль в дискредитации СССР в глазах собственных граждан.

Архаичность российского общества с его не изжитой «самодержавной» традицией – политическим авторитаризмом, легитимированным религиозной мифологией, – способствовала огрублению и примитивизации коммунистической идеи, которая стремительно «мутировала» в набор застывших квазирелигиозных догм. Политический строй большевизма также быстро обретал архаичные квазисамодержавные черты. Ведь и сами советские вожди были во многом порождением этой архаичной «варварской» культуры. Взять того же И. В. Сталина, выросшего в патриархальном захолустье на окраине империи, с детства впитавшего грубость и жестокость окружающей социальной среды (в том числе в семье), что не могло не сказаться и на его характере как политика.

Перерождению советского коммунизма в квазисамодержавие немало поспособствовала изначально выстраивавшаяся большевиками система партийной диктатуры (подаваемой как диктатура пролетариата), которая опиралась на бюрократическое управление. Неизбежность бюрократизированного социалистического государства как одного из этапов по пути к коммунизму признавал и Л. Д. Троцкий. Он, однако, постоянно предупреждал об угрозе буржуазного перерождения государственной бюрократии, стремящейся превратиться в новый правящий слой, который присваивает общественные ресурсы и средства производства. Опасность усугублялась тем, что в условиях крайне бедного общества, каким было российское, материальные стимулы трудовой деятельности не только

не ослабевали, а, напротив, усиливались, поэтому погоня за властью и даваемыми ей материальными привилегиями становилась одним из главных мотивов деятельности многих выдвигаемых советской властью чиновников и партийных аппаратчиков. В качестве «противоядия» Л. Д. Троцкий видел контроль над бюрократией со стороны партии и других общественных организаций (включая систему Советов), при этом жизненно важным считал сохранение идейного плюрализма и борьбы фракций внутри самой партии. Однако в сталинском СССР происходило прямо противоположное – сращение партийного и бюрократического аппарата в условиях тотального идеологического единомыслия. И. В. Сталин изобрел собственный метод борьбы с обуржуазиванием бюрократии – в виде развитой системы полицейской слежки и периодически обрушиваемых на управленческий аппарат чисток. Однако дальнейший ход событий вновь подтвердил правоту Л. Д. Троцкого, приводившего многочисленные примеры буржуазного перерождения правящего слоя в сталинском СССР. После смерти И. В. Сталина правящей верхушкой было организовано развенчание культа личности, гарантировавшее остановку репрессивных практик и обеспечившее личную неприкосновенность элит, что, в свою очередь, стало еще одним шагом к их олигархизации и капиталистическому перерождению.

Политический реализм И. В. Сталина во внешней политике обернулся постепенным упадком и деморализацией мирового коммунистического движения. Безусловно, в курсе на «социализм в одной стране» и мирное сосуществование двух систем было свое рациональное звено, а троцкистский курс на «перманентную революцию» мог привести к очень быстрому уничтожению СССР. Тем не менее своим внешнеполитическим прагматизмом СССР во многом подыгрывал Западу в удушении коммунистического сопротивления. Кроме того, высокомерный тон имперской бюрократии, который Москва взяла в отношениях с зарубежными коммунистами, также отталкивал многих. Даже в рядах своих единомышленников Советскому союзу часто не удавалось избавиться от имиджа отсталой и авторитарной страны, который шлейфом тянулся за ним со времен Российской империи. Русофобские нотки, замешанные на представлениях об отсталости и варварстве России, проскальзывали уже в высказываниях венгерского коммуниста Б. Куна, который при помощи красной Москвы пытался разжечь пожар революции у себя в стране. Как отмечает современный историк коммунизма Д. Пристланд, «Кун считал, что венгры намного более развиты, чем русские, следовательно, они способны к более быстрому переходу к коммунизму» [2, с. 83]. Даже в рядах коммунистов национальных республик СССР тлели подобные настроения, достаточно вспомнить известный лозунг «Прочь от Москвы!»

украинского национал-коммуниста М. Хвелевого, основанный на убеждении в том, что отсталая Россия не способна предложить Украине убедительный образец коммунистического общества.

После Второй мировой войны, когда престиж СССР и коммунистических идей в мире был высок как никогда, И. В. Сталин снова не пошел на экспорт революции, заключив с Западом империалистическую де-факто сделку о разделе сфер влияния. В этом решении была своя рациональная логика, поскольку разоренный войной СССР вряд ли бы выдержал открытое столкновение с Западом, а буфер в виде стран социалистического лагеря становился хорошим геополитическим подспорьем в нарождающейся холодной войне. Однако экспорт в Восточную Европу сталинской модели социализма с его имперско-бюрократическими методами управления, идеологическим тоталитаризмом и склонностью к репрессиям надолго дискредитировал коммунистические идеи в этом регионе, заодно превратив его в оплот антироссийских настроений.

Безусловно, при всех описанных недостатках сталинская модель социализма имела и преимущества и обладала потенциалом для развития. Несмотря на все издержки, в СССР удалось совершить колоссальный индустриальный рывок и обеспечить прорывное развитие в ряде отраслей (космонавтика, атомная энергетика, военно-промышленный комплекс), поднять образовательный и культурный уровень, уровень благосостояния населения.

Золотым веком СССР стали времена хрущевской оттепели, во многом вопреки, а не благодаря личности самого И. С. Хрущева. Это было время, когда эксцессы сталинской эпохи остались в прошлом, а страна пожинала плоды предшествующей мобилизации. Символом этого времени стал выход человека в космос, казалось бы, зримо подтверждавший торжество коммунистических идей и искупавший предыдущие жертвы и просчеты. Это было время, когда престиж коммунизма был все еще высок и оптимистическое мироощущение находило выражение в футуристических фантазиях И. Ефремова и ранних Стругацких. Сама система стала намного человечней и комфортней: на смену сталинским дворцам в окружении бараков пришли кварталы неказистых хрущёвок, которые, однако, были настоящей революцией в благоустройстве повседневной жизни.

Несмотря на все это, система продолжила инерционное движение, оставаясь в рамках все той же сталинской в своей основе системы партийно-бюрократического централизма и идеологического тоталитаризма, нищета которого становилась все более очевидной по мере интеллектуального взросления общества. Партийная номенклатура, избавленная от кнута репрессий, стремительно трансформировалась в привилегированный класс,

который все более тяготился обязательствами, налагаемыми на него коммунистической идеологией. Командные методы управления, эффективные в эпоху сталинской мобилизации, к 1970-м гг. достигли потолка своих возможностей, становясь уже тормозом развития.

СССР так и не смог обеспечить уровень потребления, сопоставимый с развитыми странами Запада, что стало еще одним ударом по советскому коммунизму. И дело здесь вовсе не в мифической неэффективности советской системы. СССР жил в постоянной ситуации ресурсного голода. Вступив в гонку с капитализмом на изначально намного более низком технологическом уровне, пережив ряд разрушительных социально-политических катаклизмов, Советский союз был вынужден опираться исключительно на собственные ресурсы, которые шли не только на внутренние нужды, но и на поддержку дружественных стран и режимов по всему миру. Вопреки расхожему мнению ресурсная база СССР для решения столь масштабных задач была отнюдь не так велика, и жертвой этого ресурсодефицита как раз и стала сфера бытовой повседневности советских граждан, развитие которой осуществлялось во многом по остаточному принципу. Хотя общий уровень жизни, несмотря на эти неблагоприятные вводные, неуклонно рос и СССР по всем параметрам социально-экономического развития далеко опережал страны капиталистической периферии (третьего мира), недовольство таким положением вещей нарастало, особенно на фоне видимого потребительского изобилия на Западе, которое сквозь «железный занавес» начинало рисоваться в исключительно радужном свете.

Западный капитализм, который изначально превосходил СССР по уровню как технологического развития, так и материального обеспечения граждан и подпитывался ресурсами всей мировой периферии, благодаря «коммунистической угрозе» получил дополнительные стимулы для развития в области технологических инноваций и в социальной сфере, где благодаря социальному государству и высокому уровню потребления удалось сгладить классовые противоречия и снять революционную угрозу. Поэтому авторы, склонные рассматривать советский коммунизм как специфическую подсистему глобального капитализма [3; 4], имеют для того определенные основания.

В результате всего этого стечения обстоятельств к середине 1980-х гг. СССР подошел глубоко нездоровым и деморализованным обществом. Вера в коммунизм была подорвана, для его обновления не оказалось ни подходящих людей, ни идей, зато выросла и окрепла прослойка заинтересованных в капиталистической реставрации: переродившаяся номенклатура, комсомольские карьеристы, различные «теневики» и спекулянты, паразитировавшие на скудости потребительского рынка.

## Заключение

СССР был первой попыткой построения нового общества, попыткой грандиозной и в конечном счете неудачной, хотя неудача эта была во многом закономерна. Однако сама по себе она вовсе не доказывает нежизнеспособности коммунизма и отнюдь не дезавуирует те смыслы и идеи, которые были подняты революционной волной 100 лет назад. Победоносный капитализм, сокрушив своего идеологического врага, снова во всей красе обнаруживает свои родимые пятна и противоречия. Либеральный «конец истории», возвещенный Ф. Фукуямой, так и не наступил – мир по-прежнему расколот, дисгармоничен и конфликтен. В отсутствие коммунистической альтернативы протест против глобального капитализма

принимает иные, весьма уродливые и тупиковые формы – от правого популизма в Европе и США до радикального исламизма на Ближнем Востоке. Все более вопиющим становится противоречие между усиливающейся глобализацией и сохраняющимися социальными и национально-культурными барьерами.

Человечество методом проб и ошибок нащупывает новые формы социальной организации, которые будут способны заменить исчерпавшую себя капиталистическую модель. Октябрьская революция стала наиболее масштабной попыткой построения такого альтернативного общества. Опыт осмысления ее ошибок и неудач может оказать неоценимую услугу в планировании будущего.

## Библиографические ссылки

1. Троцкий Л. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotrl001.htm> (дата обращения: 16.11.2017).
2. Пристланд Д. Красный флаг: история коммунизма. М. : Эксмо, 2011.
3. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб. : Университет. кн., 2001.
4. Фурсов А. Колокола истории. М. : ИНИОН, 1996.

## References

1. Trotsky L. [The Betrayed revolution. What is the USSR and where is it going]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotrl001.htm> (date of access: 20.10.2017) (in Russ.).
2. Priestland D. *Krasnyi flag: istoriya kommunizma* [The red flag: a history of communism]. Moscow : Eksmo, 2011 (in Russ.).
3. Wallerstein I. *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire* [Analysis of world systems and the situation in the modern world]. Saint Petersburg : Universitetskaya kniga, 2001 (in Russ.).
4. Fursov A. *Kolokola istorii* [The bells of history]. Moscow : INION, 1996 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 05.12.2017.  
Received by editorial board 05.12.2017.